

УДК 343.77

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, РЕГУЛИРУЮЩИХ СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВОВ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Нуртаев Рамазан Туякович

Доктор юридических наук, профессор, г. Астана, Республика Казахстан;
e-mail: r_nurtaev@kazguu.kz

Ключевые слова: вина; ответственность; экологические правонарушения; квалификация; справедливость; наказание; умысел; неосторожность.

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные аспекты, связанные с перспективами совершенствования норм уголовного законодательства Республики Казахстан, регламентирующих вопросы характеристики субъективных признаков составов экологических уголовных правонарушений. Учитывая то обстоятельство, что разработка проблемы субъективной стороны экологических уголовных правонарушений представляет повышенную актуальность с практической и теоретической точки зрения. Поскольку в рамках науки уголовного права проблематика, связанная с определением вины в составах экологических уголовных правонарушений, является остро дискуссионной и недостаточно разработанной. В организации правоприменительной практики, направленной на противодействие экологическим уголовно наказуемым деяниям, наблюдаются затруднения и сложности, суть которых сводится к решениям вопросов квалификации деяний виновных по признакам субъективной стороны составов экологических уголовных правонарушений на этапе привлечения к уголовной ответственности за содеянное. Изложенные обстоятельства образуют в совокупности объективную необходимость более подробного исследования проблемы субъективных признаков экологических уголовных правонарушений. В интересах соответственно разработки научных и практических выводов, положений и рекомендаций, направленных на дальнейшее совершенствование и развитие действующего уголовного законодательства, регламентирующего меры ответственности и наказания за экологические уголовные правонарушения.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ КОДЕКСІНІҢ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТАР ҚҰРАМЫНЫҢ СУБЪЕКТИВТІ БЕЛГІЛЕРІН РЕТТЕЙТІН НОРМАЛАРЫН ЖЕТІЛДІРУ ПРОБЛЕМАЛАРЫ

Рамазан Тұяқұлы Нұртаев

Заң ғылымдарының докторы, профессор, Астана қ., Қазақстан Республикасы;
e-mail: r_nurtaev@kazguu.kz

Түйін сөздер: кінә; жауапкершілік; экологиялық құқық бұзушылықтар; саралау; әділеттік; жаза; пигыл; абайсыздық.

Аннотация. Мақалада экологиялық қылмыстық құқық бұзушылық құрамының субъективті белгілерінің сипаттама мәліметтерін реттейтін Қазақстан Республикасы қылмыстық заңнамасының нормаларын жетілдіру перспективаларымен байланысты жекелеген аспектілері қарастырылған. Экологиялық қылмыстық құқық бұзушылықтардың субъективті жағының мәселелерін әзірлеу тәжірибелік және теориялық көзқарас тұрғысынан өте өзекті. Себебі қылмыстық құқық ғылымы аясында экологиялық қылмыстық құқық бұзушылықтар құрамында кінәні анықтаумен байланысты проблематика көп талқылауды қажет етеді және жеткілікті түрде әзірленбеген. Экологиялық қылмыспен жазаланатын әрекеттерге қарсы бағытталған құқық қолдану тәжірибесін ұйымдастыруда кейбір қиындықтар мен проблемалар байқалуда, олардың мәні кінәлілердің әрекеттерін экологиялық қылмыстық құқық бұзушылық құрамының субъективті жағының белгілері бойынша жасаған әрекеті үшін қыл-

мыстық жауапкершілікке тарту кезеңінде саралау мәселелерін шешуге саяды. Баяндалған мәліметтер жиынтығында экологиялық қылмыстық құқық бұзушылықтың субъективті белгілерінің мәселесін мұқият зерттеудің объективті жағын құрайды. Экологиялық қылмыстық құқық бұзушылықтар үшін жауапкершілік пен жаза мөлшерін реттейтін қолданыстағы қылмыстық заңнаманы ары қарай жетілдіруге және дамытуға бағытталған ғылыми және тәжірибелік тұжырымдар, ережелер мен ұсыныстарды тиісінше әзірлеу мүддесінде.

PROBLEMS OF THE IMPROVEMENT OF THE NORMS OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN REGULATING SUBJECTIVE SIGNS OF CORPUS DELICTI OF ECOLOGICAL CRIMINAL OFFENSES

Nurtayev Ramazan Tuyakovich,

Doctor of juridical science, Professor, Astana, Republic of Kazakhstan;

e-mail: r_nurtaev@kazguu.kz

Keywords: *guilt; responsibility; environmental offences; qualification; justice; punishment; intent; negligence.*

Abstract. *The article deals with some aspects related to the prospects of improving the norms of the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan, regulating the characteristics of the subjective features of ecological criminal offenses. Taking into account the fact that the development of the subjective aspect problem of environmental criminal offenses presents an increased urgency from a practical and theoretical point of view. Since in the framework of the criminal law science the problems associated with the definition of guilt in the composition of environmental criminal offenses are sharply debatable and underdeveloped. In the organization of law enforcement practice aimed at countering environmental criminal acts, there are difficulties, the essence of which is to solve the issues of qualification of acts of perpetrators on the subjective aspect grounds of the composition of environmental criminal offenses at the stage of prosecution for their deeds. The circumstances form in total an objective need for more detailed studies of the subjective signs problem of environmental criminal offences. In order to develop scientific and practical conclusions, provisions and recommendations aimed at further improvement and development of the existing criminal legislation regulating measures of responsibility and punishment for environmental criminal offenses.*

Вопросы, связанные с совершенствованием норм уголовного законодательства, регламентирующих субъективные признаки составов экологических уголовных правонарушений, представляют повышенную актуальность с учетом определенного научного и практического интереса к этим вопросам. Уместным будет отметить, что в науке уголовного права проблема определения вины в составах экологических уголовных правонарушений является одной из остро дискуссионных и недостаточно разработанных. В правоприменительной практике ведения борьбы с экологическими уголовными правонарушениями наблюдаются затруднения и сложности, характеризующиеся решением вопросов квалификации по признакам субъективной стороны состава уголовного правонарушения при привлечении лица к ответственности. Эти обстоятельства выдвигают объективную необходимость более подробного исследования проблемы субъективных признаков составов экологических уголовных правонарушений. В интересах выработки соответственно по-

ложений и рекомендаций, направленных на дальнейшее совершенствование и развитие действующего уголовного законодательства, регулирующего меры ответственности за экологические уголовные правонарушения.

Как известно, согласно доктрине уголовного права под субъективной стороной уголовного правонарушения следует понимать психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением уголовно наказуемого деяния. Если объективная сторона уголовного правонарушения «составляет его фактическое содержание, то субъективная сторона образует его психологическое содержание, т.е. характеризует процессы, протекающие в психике виновного. Содержание субъективной стороны раскрывается с помощью таких юридических признаков, как вина, мотив и цель. Эти признаки органически связаны между собой и взаимозависимы, однако представляют психологические явления с самостоятельным содержанием, и ни одно из них не включает другое в качестве составной части» [1].

Центральное место в характеристике субъективной стороны состава уголовного правонарушения занимает вина.

«Вина, – пишет профессор И.И. Рогов, – признак, обязательный для любого состава уголовного правонарушения. При его отсутствии отсутствует и состав уголовного правонарушения в целом, а следовательно, нет и оснований для привлечения лица к уголовной ответственности.

Теория казахстанского уголовного права определяет вину как психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям в форме умысла или неосторожности» [2].

Если акцентировать внимание на конкретизации формы вины в составах экологических уголовных правонарушений посредством обращения к теоретическим разработкам, то пред взором исследователя развёртывается весьма противоречивая картина.

Так, М.А. Артамонов пишет: «Вопрос о форме вины в экологических преступлениях является наиболее дискуссионным в литературе, посвященной юридико-техническому анализу признаков этих деликтов. Данное обстоятельство связано с отсутствием устоявшегося подхода к определению формы вины практически по каждому составу экологического преступления. Ввиду этого дать системный анализ или даже сводную таблицу по формам вины, присущим экологическим преступлениям, представляется делом весьма нелегким». [3]

А.С. Фролов, указывая на значительные сложности определения вины в составах экологических уголовных правонарушений, делает вывод, что «в юридической литературе нет разногласий при оценке субъективной стороны такого рода преступлений только по 7 статьям из 17 (гл. 26 УК РФ). Единогласно умышленными признаются преступления, предусмотренные ст.253 УК РФ (Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне), ст.256 УК РФ (Незаконная добыча водных животных и растений), ст.258 УК РФ (Незаконная охота), ст.260 (Незаконная порубка деревьев и кустарников).

Не встречает возражений утверждение, что как умышленно, так и по неосторожности могут быть совершены преступления, предусмотренные ст.251 УК РФ (Загрязнение атмосферы), ст.254 УК РФ (Порча земли). Единообразие наблюдается в оценке учеными субъективной стороны преступления по ст. 261 УК РФ (Уничтожение лесов). Считается, что действия, предусмотренные частью первой этой статьи, совершаются неосторожно, а действия, указанные в ее второй части умыш-

ленно. Что касается остальных экологических преступлений, то их субъективная сторона оценивается по-разному.

Сложившаяся ситуация, похоже, воспринимается органами и лицами, пользующимися правом законодательной инициативы, а следовательно, правом добиваться ее улучшения, как вполне обычная. А между тем проблема четкого законодательного закрепления признаков вины в экологических (как, впрочем, и всех иных) преступлениях имеет принципиальное значение. Для экологических преступлений, создающих угрозу жизни человечества на земле, эта проблема одна из важнейших» [4].

Основываясь на вышеизложенных выводах Фролова А.С., можно выдвинуть предположения о том, что умышленными следует признавать уголовные правонарушения, предусмотренные ст.331. Уголовного кодекса нашей республики (Нарушение законодательства о континентальном шельфе Республики Казахстан и исключительной экономической зоне Республики Казахстан); ст.335. УК РК (Незаконная добыча рыбных ресурсов, других водных животных или растений); ст.337. УК РК (Незаконная охота); ст.340.УК РК (Незаконная порубка, уничтожение или повреждение деревьев и кустарников).

Кроме названных видов уголовных правонарушений, к группе экологических уголовных правонарушений, характеризующихся умышленной формой вины, правомерным представляется включить и предусмотренные ст.334. УК РК (Самовольное пользование недрами) деяния. Учитывая то обстоятельство, что самовольное пользование недрами, а равно самовольная добыча полезных ископаемых, совершается лицом, как правило, умышленно, с преследованием корыстных целей.

Как умышленно, так и по неосторожности могут быть совершены уголовные правонарушения, предусмотренные ст.329. УК РК (Загрязнение атмосферы); 332. УК РК (Порча земли). Уголовные правонарушения, предусмотренные частью первой ст.341. УК РК (Уничтожение или повреждение лесов) характеризуются неосторожной формой вины, а подпадающие под часть вторую – признаются совершенными умышленно.

То есть вполне логичным и справедливым представляется сформулированный А.С. Фроловым вывод о назревшей повышенной актуальности четкой законодательной регламентации признаков вины в экологических уголовно наказуемых деяниях, поскольку таковая правовая регламентация является принципиально важной. Неурегулированность этих вопросов приводит к ошибочным решениям ответственности и наказания лиц, виновных в совершении экологических уголовно

наказуемых деяний.

Изложенные выше соображения уместным будет дополнить и акцентом внимания на то обстоятельство, что положительное решение вопроса правовой регламентации форм вины в составах экологических уголовных правонарушений можно было бы признать перспективным в плане достижения цели правильной квалификации и соблюдения принципа справедливости при привлечении виновных к ответственности и наказанию за рассматриваемые общественно опасные деяния.

Повышенную актуальность соблюдения принципа справедливости при решении вопросов привлечения к ответственности и наказания виновных за экологические уголовные правонарушения правомерным будет связывать прежде всего с тем обстоятельством, что в конструкциях диспозиций и санкций отдельных норм действующего уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за экологические и иные уголовные правонарушения, можно наблюдать определенные противоречия, связанные с умалчением законодателя о формах вины.

Профессор А.И. Рарог вполне обоснованно указывает на то обстоятельство, что отсутствие указания на неосторожную форму вины в составах экологических уголовно наказуемых деяний, связанных с причинением вреда здоровью людей, наводит на вывод о признании их умышленными преступлениями. Однако предусмотренные в нормах Особенной части Уголовного кодекса санкции за экологические деяния, значительно смягченные в сравнении с умышленным причинением вреда здоровью человека, согласно нормам, предусматривающим ответственность за преступления против личности. Поэтому профессор Рарог А.И., в целях соблюдения принципа справедливости, считает правомерным в случаях совершения лицом вышеупомянутых экологических уголовных правонарушений дополнительно квалифицировать их деяния по нормам, предусматривающим ответственность за преступления против личности [5].

Если изложенные выше положения перенести на характеристику нашей казахстанской уголовно-правовой действительности, то уместным будет отметить, что за совершение умышленного особо квалифицированного экологического уголовного правонарушения, предусмотренного:

частью 2 ст.324. «Нарушение экологических требований к хозяйственной или иной деятельности» УК, повлекшего смерть человека, либо массовое заболевание людей, - установлено лишение свободы на срок от трех до семи лет;

частью 3. Ст. 325. «Нарушение экологи-

ческих требований при обращении с экологически потенциально опасными химическими или биологическими веществами» УК, повлекшего смерть человека, либо массовое заболевание людей, - установлено лишение свободы на срок от двух до семи лет;

частью 3. Ст. 326. «Нарушение экологических требований при обращении с микробиологическими или другими биологическими агентами или токсинами» УК, повлекшего смерть человека, либо массовое заболевание людей, - установлено лишение свободы на срок от трех до семи лет. В то время как за умышленное лишение жизни человека или умышленное причинение вреда здоровью множества людей по нормам Главы 1. «Уголовные правонарушения против личности» УК установлены соответственно наказания в виде лишения свободы от восьми до пятнадцати лет; от пяти до десяти лет.

Следовательно, в интересах соблюдения принципов справедливости и неотвратимости ответственности и наказания за совершение тяжких экологических преступлений в случаях, предусмотренных вышеизложенными нормами Особенной части УК РК, деяния виновных правомерным было бы дополнительно квалифицировать по нормам Особенной части, предусматривающим ответственность и наказания за преступления против личности.

По результатам анализа современных научных подходов ученых по определению форм вины как в традиционном понимании, так и с учетом тенденций, связанных с внесенными в законодательство новеллами в уголовном праве, касающимися и составов экологических уголовных правонарушений, важное значение имеет акцент внимания на отдельные остро дискуссионные вопросы с целью анализа и обобщения научных воззрений ученых и выдвижения соответственно новых выводов и предположений.

Бесспорно, особого внимания заслуживают фундаментальные научные работы по проблемам субъективной стороны уголовно наказуемых деяний, опубликованные профессором Рарогом А.И. По его выводам, в уголовном законодательстве констатированы «две формы вины – умысел и неосторожность. Теоретически несостоятельны и прямо противоречат закону, - утверждает он, - попытки некоторых ученых (В.Г. Беляев, Р.И. Михеев, Ю.А. Красиков и др.) обосновать наличие третьей формы вины («двойной», «смешанной», «сложной»), якобы существующей наряду с умыслом и неосторожностью. Вина реально существует только в определенных законодателем формах и видах, и вне умысла или неосторожности быть не может.

На форму вины, - по мнению А.И. Рарога,

- в конкретном виде преступления может быть прямо указано в диспозиции статьи Особенной части УК, либо она может подразумеваться или устанавливаться толкованием» [6].

Профессором Наумовым А.В. констатируется вывод, согласно которому в случаях, когда «диспозиция статьи Особенной части не конкретизирует форму вины, предусмотренное этой статьей преступление может быть только умышленным» [7].

Профессор Красиков Ю.А., касаясь характерологических особенностей уголовных правонарушений, совершенных с двумя формами вины, указывает на то обстоятельство, что «Сложная (двойная) вина характеризуется различным отношением лица к деянию и к последствию. Она возможна лишь в материальных преступлениях, которые содержат последствия в качестве самостоятельного признака объективной стороны. В формальных преступлениях последствие неотделимо от действия, слито с ним, а поэтому психическое отношение к действию и последствию является только однородным.

Г.А. Кригер справедливо отмечал, что данную форму вины следует называть сложной (двойной). В этом понятии, по его мнению, должно отражаться соприкосновение умысла и неосторожности, которое не приводит, однако, к образованию качественно новой, третьей формы вины» [8].

Нерсесян В.А., рассмотрев специфические особенности ответственности за уголовно наказуемые деяния, совершенные с двумя формами вины, акцентировал внимание на том обстоятельстве, что в случаях наступления предусмотренных диспозициями уголовно-правовых норм последствий, признаваемых квалифицированными составами уголовных правонарушений в основных составах деяний, изменяется в полном объеме характер и степень общественной опасности деяния. Это дает В.А. Нерсесяну основание для формулировки вывода об образовании другого состава уголовного правонарушения, в связи с чем и характеристику вины, по его мнению, целесообразным представляется рассматривать в новом качестве, не укладывающемся по своему содержанию в рамках традиционного определения умысла и неосторожности, констатированного законодателем. То есть при раскрытии правовой природы параллельного функционирования двух форм вины в квалифицированных составах уголовных правонарушений уместно принимать во внимание то обстоятельство, что «законодатель как бы сливает в один состав, то есть юридически объединяет два самостоятельных преступления, одно из которых умышленное, а другое — неосторожное, причем оба могут существовать самостоятельно, но в сочета-

нии друг с другом образуют качественно иное преступление с субъективным специфическим содержанием. ...двойная форма вины имеется в тех случаях, когда в рамках одного сложного состава преступления одновременно содержатся все признаки образующих его умышленного и неосторожного преступных деяний» [9].

В контексте взаимосвязи с изложенными выше положениями уместным будет отметить, что в доктрине уголовного права по результатам исследования специфики норм, содержащихся в Особенной части Уголовного кодекса, формулируется вывод о целесообразности выделения двух видов составов с двойной формой вины: материальных составов с двумя последствиями, в рамках которых «вторые (отдаленные) последствия более тяжкие, чем первые, являющиеся обязательными признаками простого состава. Отдаленные последствия выступают в качестве квалифицирующего признака, существенно повышающего общественную опасность деяния.

«Общими, - пишет Н.К. Семернева, - характерными для этого вида составов признаками являются:

- 1) это преступление с материальным составом;
- 2) умыслом виновного (прямым или косвенным) охватывается деяние и близкие (обязательные для этого состава) последствия его;
- 3) отдаленные последствия являются более тяжкими и выступают в роли квалифицирующего признака;
- 4) психическое отношение виновного к обязательным последствиям выражается в форме умысла, а к отдаленным — в неосторожной форме вины. В целом такое преступление считается умышленным;
- 5) квалифицирующее последствие причиняет вред другому непосредственному объекту (не тому, которому причиняется вред в основном составе).

Второй вид преступлений с двойной формой вины характерен для формальных составов. Общими признаками для этих составов являются:

- 1) основной состав законодательно сконструирован как формальный.
- 2) общественно опасное действие (бездействие) совершается умышленно;
- 3) квалифицированный вид преступления конструируется как материальный состав, повышающий общественную опасность деяния за счет наступления тяжких последствий» [10].

Характеризуя специфические особенно-

сти уголовных правонарушений с двумя формами вины, отдельные ученые считают, «что при их совершении наблюдается неоднородное психическое отношение лица к совершаемым действиям (бездействию) и к наступившим последствиям в материальных составах преступлений, которые содержат последствия в качестве самостоятельного признака объективной стороны» [11].

Возражая против вывода о приведенном неоднородном психическом отношении виновного к деянию и последствиям в материальных составах преступлений, профессор А.И. Рарог указывает на то обстоятельство, что в ст.27 УК РФ говорится «вовсе не о неоднородности отношения к совершаемому действию (бездействию) и его общественно опасным последствиям как равноправным признакам объективной стороны состава преступления, а о различном психическом отношении к разным юридически значимым объективным признакам, один из которых является обязательным признаком основного состава преступления, а другой — квалифицирующим последствием». [12]

То есть сформулированный в уголовном законодательстве новейшего времени институт общественно опасных деяний с двумя формами вины инициировал в свою очередь возникновение определенных сложностей в теории и практике уголовного права, высветил комплекс новых проблемных вопросов, нуждающихся в теоретической разработке и правовой регламентации.

Прежде всего уместным будет отметить назревшую повышенную актуальность правовой регламентации вопросов, связанных с установлением ответственности за уголовно наказуемые правонарушения, совершаемые с двумя формами вины. Здесь речь идет об отчетливо обозначившейся объективной необходимости создания определенных условий для более четкого правового урегулирования порядка осуществления дифференциации уголовной ответственности по признакам субъективной стороны состава уголовного правонарушения. Это нужно для исключения из правоприменительной практики потенциально возможных ошибок объективного вменения и обеспечения тем самым реальных условий для дальнейшего развития принципа личной виновной ответственности лица, совершившего уголовное правонарушение, на основе установления всех признаков состава уголовно наказуемого деяния. Принимая во внимание то принципиальное положение, что составы уголовных правонарушений «с неопределенной формой вины в цивилизованном законодательстве недопустимы» [13].

Если акцентировать внимание на отдельных особо актуальных аспектах рассматри-

ваемой проблематики, то уместным будет отметить, что одно из распространенных сложностей, наблюдающихся при характеристике как неосторожности, так и двойной формы вины, связано с решением вопросов правильного разграничения допущенной по неосторожности самонадеянности от косвенного умысла. При самонадеянности лицо, совершая соответствующие действия (бездействие), так же как и при косвенном умысле, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий. «И если при косвенном умысле он, не желая их наступления, допускает их или относится к их наступлению с безразличием, то при легкомысленной вине лицо рассчитывает на их предотвращение, хотя и самонадеянно. Самонадеянность субъекта свидетельствует о том, что его предвидение было абстрактным и неопределенным, без точного представления о развитии причинной связи. Если виновный рассчитывает на счастливый случай или на «авось», то он действует с косвенным умыслом» [14].

То есть подробная разработка проблем, характеризующих институт ответственности за уголовные правонарушения с двумя формами вины, открывает возможности для более четкого урегулирования вопросов дифференциации ответственности при возникновении усложненных определенным образом событий совершения правонарушений с материальным составом, когда форма вины рассматривается в качестве некоего дискретного (прерывающегося) психического отношения лица к действию (бездействию), и - к наступлению общественно опасных последствий, включенных в совокупность обязательных признаков объективной стороны состава уголовно наказуемого деяния, охватываемых описанием диспозиции отдельной уголовно-правовой нормы.

Двойная форма вины по сути означает параллельное проявление двух самостоятельных форм вины в одном уголовном правонарушении, характеризующемся неким «раздвоением» субъективной стороны состава уголовно наказуемого деяния, вследствие чего возникает необходимость устанавливать соответственно и двойную форму вины: 1) вину по отношению к учиненному субъектом общественно опасному деянию (действию или бездействию); 2) вину по отношению к наступившим в результате этого деяния последствиям.

Правовую основу для действия в уголовном законодательстве норм, регламентирующих ответственность за уголовно наказуемые деяния с двумя формами вины, составляет законодательная конструкция отдельных составов уголовных правонарушений в Уголовном

кодексе, характеризующаяся слиянием двух форм вины в совершенном одном преступлении. Так, в части 3 ст. 106 УК предусматривается двойная форма вины с указанием на то, что к таковой относится умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. В части 4 статьи 299 УК преступлением с двумя формами вины законодателем признано склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, если они повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия.

То есть в Уголовном кодексе в ряде статей, хотя и сравнительно немногочисленном, предусматриваются правовые конструкции, раскрывающие существо двойной формы вины, характеризующееся более четкой дифференциацией ответственности за уголовно наказуемые деяния, следствием которых является наступление различной степени тяжести вредоносных последствий.

Из приведенных выше описаний, содержащих раскрытие специфики двойной формы вины, на примерах характеристики особенностей конструкции статей 106 и 299 УК видно, что при двойной вине имеет место соответственно два параллельных последствия, которые с учетом времени наступления можно представить в виде ближайших и отдаленных последствий.

По конструкции статьи 106 УК ближайшие последствия преступления характеризуются причинением тяжкого вреда здоровью человека, а отдаленные последствия - наступлением смерти потерпевшего.

В преступлении, предусмотренном ст. 299 УК, ближайшие последствия заключаются в вовлечении лица к потреблению наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и впадении в полное состояние зависимости человека от наркотиков, психотропных веществ, их аналогов. Отдаленные же последствия - смерть потерпевшего или наступление иных тяжких последствий.

Спецификой двойной вины по содержанию охарактеризованных выше норм можно признать то обстоятельство, что лицо к ближайшим последствиям деяния относится умышленно (с прямым или косвенным умыслом), к отдаленным же последствиям совершаемого деяния его психическое отношение оценивается законодателем в качестве неосторожной вины.

Для правильной квалификации уголовно наказуемых деяний с двойной виной, правильной оценки степени их опасности, представляется целесообразным сгруппировать их в материальные и формальные составы, с выяснением вопросов разграничения по специфике и характеру последствий этих видов

уголовных правонарушений.

Материальные составы уголовно наказуемых деяний имеют обособленную специфику, заключающуюся в том, что в диспозиции статьи УК формулируются конкретно определенные последствия. Если попытаться их проанализировать, то можно убедиться в том, что ближайшие последствия уголовного правонарушения охватываются психическим отношением лица к учиняемому им деянию в виде сознательно-волевого состояния, характеризующегося умышленной виной в обеих ее формах - прямом или косвенном умысле. К отдаленным последствиям имеет место неосторожное отношение со стороны субъекта, проявляющееся в виде самонадеянности или небрежности.

Отдаленные последствия в сравнении с ближайшими, как правило, оцениваются как более тяжкие, в связи с чем законодатель относит их к категории отягчающих ответственность обстоятельств совершенного общественно опасного деяния. В свою очередь, учет того обстоятельства, что степень ущерба от наступления отдаленных последствий значительно превышает степень вреда, причиняемого в результате наступления ближайших последствий в материальных составах преступлений с двойной виной, привел законодателя к убеждению о необходимости признания такого рода последствий преступления в качестве квалифицирующих признаков составов преступлений и соответственно установления за причинение отдаленных последствий более строгой уголовной ответственности.

Уголовно наказуемые деяния с двойной формой вины в формальных составах имеют свою специфику и особенности. Которые представляют повышенную актуальность и для характеристики особенностей экологических уголовных правонарушений. Примером рассматриваемой законодательной конструкции может служить статья 325 УК. «Нарушение экологических требований при обращении с экологически потенциально опасными химическими или биологическими веществами».

В упомянутой статье основной состав уголовного правонарушения, описанный в диспозиции первой ее части, законодательно сконструирован как состав поставления в опасность, сформулированный в следующем контексте изложения: «Нарушение экологических требований при производстве, транспортировке, хранении, захоронении, использовании или ином обращении с экологически потенциально опасными химическими или биологическими веществами, если это деяние повлекло или могло повлечь причинение значительного ущерба окружающей среде или причинило вред здоровью человека».

По содержанию анализируемой нормы деяние, совершаемое в нарушение экологических требований, может характеризоваться умышленной виной; к последствиям, которые могут наступить вследствие указанного рода нарушений, психическое отношение расценивается по признакам неосторожности. Оконченным уголовно наказуемым деянием должен признаваться сам факт нарушения экологических требований, допущенный со стороны лица, обязанного соблюдать и выполнять правила экологических норм. Части 2 и 3 ст. 325 УК устанавливают более строгие меры уголовной ответственности с учетом квалифицирующих признаков составов преступлений, предусмотренных этой статьей. По части 2 ст. 325 УК законодатель в числе квалифицирующих называет такие признаки, относящиеся к общественно опасным последствиям нарушения экологических требований, как причинение либо создание угрозы причинения крупного ущерба окружающей среде, а равно совершенное на территории с чрезвычайной экологической ситуацией.

В тексте части 3 статьи 325 УК в качестве особо квалифицирующих признаков состава преступления указывается на деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие причинение особо крупного ущерба окружающей среде либо смерть человека, либо массовое заболевание людей.

То есть квалифицированные и особо квалифицированные составы преступлений, совершаемых с двумя формами вины, конструируются по признакам материального состава с учетом повышенной общественной опасности деяния, обусловленной наступлением тяжких последствий.

Таким образом, уголовно наказуемые правонарушения, совершенные с двумя формами вины, по особенностям конструкции статей Особенной части Уголовного кодекса подразделяются на две группы:

1) уголовно наказуемые деяния с двойной виной, основной состав которых сформулирован в диспозиции статьи как материальный, с квалифицирующими признаками, признанными в качестве отдаленных тяжких последствий;

2) уголовные правонарушения, основной состав которых сформулирован в диспозиции статьи как формальный, а квалифицированный состав характеризуется наступлением в обязательном порядке тяжких последствий, констатированных описанием в диспозиции статьи.

Основываясь на приведенных выше положениях, уместным представляется выдвинуть предположение, что в рамках современного уголовного права деяния, совершаемые с дву-

мя формами вины, было бы справедливым признать в качестве самостоятельной, - третьей формы вины, - наряду с умышленной и неосторожной виной. В равной мере как именуют человека, носящего двойную фамилию (Салтыков-Щедрин, Складовская – Кюри, Лебедев – Кумач). Здесь целесообразно принять к сведению (для возможного заимствования) правотворческий опыт ряда зарубежных стран. Так, по уголовному законодательству Боливии, Гватемалы, Колумбии, Коста-Рики, Никарагуа, Перу, Эквадора сконструирована, помимо умысла и неосторожности, третья форма вины - «претеринтенциональность. Деяние признается претеринтенциональным, когда действие или бездействие порождает вредный результат, более тяжкий, чем тот, которого желал субъект» [15].

В интересах реализации сформулированного выше правотворческого предложения логичным было бы пересмотреть редакцию действующей статьи 22 УК РК в плане исключения из нее резюме: «В целом такое уголовное правонарушение признается совершенным умышленно». Вместо этого резюме правомерным представляется констатировать правило, в соответствии с которым устанавливался бы следующий порядок признания деяния, совершенным с двумя формами вины: «Деяние, совершенное с двумя формами вины, признается уголовным правонарушением в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

В свою очередь, в отдельных нормах Особенной части УК РК правомерным было бы предусмотреть ответственность за совершенные деяния с двумя формами вины. Такая конструкция охватила бы помимо других и множество составов экологических уголовных правонарушений. Признание этой категории уголовных правонарушений совершенными с двойной формой вины соответственно выдвинуло бы на очередь дня актуализацию вопросов поиска новых подходов к характеристике сущностных аспектов этих деяний. Поскольку полное и объективное раскрытие и формирование соответственно правильного представления относительно понимания сущности общественно опасных деяний могут привести к открытию новых перспектив для дальнейшего совершенствования и развития правотворческой и правоприменительной практики в республике.

Уместным будет также в обобщенном плане отметить, что в результате положительного разрешения в действующем уголовном законодательстве вопросов правильной регламентации ответственности лица по признакам субъективной стороны состава уголовного правонарушения логичным пред-

ставляется выдвинуть определенные позитивные прогнозы, касающиеся дальнейшей более плодотворной разработки проблемы сущности уголовного правонарушения. Поскольку «сущность преступления, - по удачному определению профессора Филимонова В.Д., - состоит в высокой степени противопоставления личных интересов интересам других лиц, общества или государства. Такое противопоставление находит воплощение, во-первых, в содержащейся в общественно опасном деянии угрозе причинения вреда охраняемым общественным отношениям и, во-вторых, в тех субъективных признаках преступления, ко-

торые указывают, для удовлетворения каких личных интересов это общественно опасное деяние совершается» [16].

Резюмируя изложенные выше положения, обоснованным представляется сделать вывод, что положительное решение вопросов, связанных с внесением в действующее национальное уголовное законодательство нашей республики выдвинутых в настоящей работе предложений, может привести к созданию определенных реальных условий для дальнейшего повышения эффективности борьбы с экологическими уголовными правонарушениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российское уголовное право: в 2 т. Т.1 Общая часть: Учебник. – Москва: Проспект, 2015. – С. 162.
2. Rogov I.I. Kommentarij k UK RK. – Almaty: Norma-K, 2016. – С. 49-50.
3. Artamonova M.A. K voprosu o forme viny v ekologičeskikh prestuplenijah. – Vestnik Samarской гуманитарной академии. Серия «Право», 2014, № 1 (15). – С. 45-46.
4. Frolov A.S. Vina v ekologičeskikh prestuplenijah. – Vestnik Omsкого университета. 2007, № 4. – С. 143.
5. Rarog A.I. Kvalifikacija prestuplenij po sub#ektivnym priznakam. - SPb: Izd. «Jurid. Centr Press», 2002. - С. 108.
6. Российское уголовное право: Учебник в 2 т. Т.1. Общая часть. - М., 2009. – С.164-165.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3.т. Т.1. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 372.
8. Цитируется по: Уголовное право России. Учебник: в 2т. /Под ред. Игнатова А.Н., Красикова Ю.А. – Т.1. М.: Норма, 2008. – С. 235.
9. Нерсисян В.А. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины: проблемы и решения. - Право и политика. 2001, № 8. - С.78
10. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. Отв. редакторы - д.ю.н., профессор И.Я. Козаченко и д.ю.н., профессор З.А. Незнамова. – М.ИНФРА. М.НОРМА, 1997. – С. 197-198.
11. Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Субъективная сторона преступления. – Ростов на Дону, 1999. – С. 23-24.
12. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Учебник. - Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. - С. 487-488.
13. Цитируется по: Фролов А.С., указ. соч. – С. 145.
14. Цитируется по: Елена Стешич. Авария с тяжкими последствиями: Неосторожное преступление или убийство? – Уголовное право. 2014, № 2. - С. 76.
15. Уголовное право России: Общая часть (с основными положениями Общей части уголовного права стран Азии, Африки, Латинской Америки): учебник / под ред. О.А. Ястребова, Л.А. Букалеровой. - М.: РУДН, 2017. - С. 241-242.
16. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. - СПб.: «Юрид. Центр Пресс, 2004. - С. 117.

REFERENCES

1. Rossijskoe ugovolnoe pravo: v 2 t. T.1 Obshhaja chast': Uchebnik. – Moskva: Prospekt, 2015. – S. 162.
2. Rogov I.I. Kommentarij k UK RK. – Almaty: Norma-K, 2016. – S. 49-50.
3. Artamonova M.A. K voprosu o forme viny v jekologičeskikh prestuplenijah. – Vestnik Samarской гуманитарной академии. Serija «Pravo», 2014, № 1 (15). – S. 45-46.
4. Frolov A.S. Vina v jekologičeskikh prestuplenijah. – Vestnik Omsкого университета. 2007, № 4. – S. 143.
5. Rarog A.I. Kvalifikacija prestuplenij po sub#ektivnym priznakam. - SPb: Izd. «Jurid. Centr Press», 2002. - S. 108.

6. Rossijskoe ugovolnoe pravo: Uchebnik v 2 t. T.1. Obshhaja chast'. - M., 2009. – S.164-165.
7. Naumov A.V. Rossijskoe ugovolnoe pravo. Kurs lekcij: v 3.t. T.1. Obshhaja chast'. – M.: Volters Kluver, 2008. – S. 372.
8. Citiruetsja po: Ugovolnoe pravo Rossii. Uchebnik: v 2t. /Pod red. Ignatova A.N., Krasikova Ju.A. – T.1. M.: Norma, 2008. – S. 235.
9. Nersesjan V.A. Otvetstvennost' za prestuplenija, sovershennye s dvumja formami viny: problemy i reshenija. - Pravo i politika. 2001, № 8. - S.78
10. Ugovolnoe pravo. Obshhaja chast'. Uchebnik dlja vuzov. Otv. redaktory - d.ju.n., professor I.Ja. Kozachenko i d.ju.n., professor Z.A. Neznamova. – M.INFRA. M.NORMA, 1997. – S. 197-198.
11. Ivanov V.D., Mazukov S.H. Sub#ektivnaja storona prestuplenija. – Rostov na Donu, 1999. – S. 23-24.
12. Ugovolnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaja chast'. Uchebnik. - Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. - S. 487-488.
13. Citiruetsja po: Frolov A.S., ukaz. soch. – S. 145.
14. Citiruetsja po: Elena Steshich. Avarija s tjazhkimi posledstvijami: Neostorozhnoe prestuplenie ili ubijstvo? – Ugovolnoe pravo. 2014, № 2. - S. 76.
15. Ugovolnoe pravo Rossii: Obshhaja chast' (s osnovnymi polozhenijami Obshhej chasti ugovolnogo prava stran Azii, Afriki, Latinskoj Ameriki): uchebnik / pod red. O.A.Jastrebova, L.A.Bukalerovoj. - M.: RUDN, 2017. - S. 241-242.
16. Filimonov V.D. Norma ugovolnogo prava. - SPb.: «Jurid. Centr Press, 2004. - S. 117.

УДК 343.241.4

ЛИШЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Глембаева Жанна Урумбасаровна

Заместитель директора Института законодательства Республики Казахстан,
кандидат юридических наук, доцент; Республика Казахстан, г. Астана
e-mail: zhanna.ot@mail.ru

Ахмеджанов Фарух Раушанулы

Младший научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального,
уголовно-исполнительного законодательства и судебной экспертизы Института
законодательства Республики Казахстан; Республика Казахстан, г. Астана;
e-mail: farukh.akhmejanov@mail.ru

Ключевые слова: лишение гражданства; утрата гражданства; уголовное наказание; административный надзор; выдворение.

Аннотация. В научной статье приведён анализ введённого в марте 2017 года в законодательство Республики Казахстан института лишения гражданства. Анализируется законодательство зарубежных стран, регламентирующее институт лишения гражданства как меры государственного регулирования в борьбе с терроризмом.

Авторами затронуты наиболее дискуссионные вопросы реализации лишения гражданства как санкции за нарушение законодательства. Особое внимание уделяется проблемам установления процедурных гарантий лишения гражданства.

Отмечается, что законодательство Казахстана предусматривает нормы об автоматической утрате гражданства страны, если лицо участвует в иностранных вооружённых конфликтах, экстремистской и (или) террористической деятельности на территории иностранного государства. В этой связи авторы приходят к выводу об отсутствии необходимости в применении меры уголовного наказания в виде лишения гражданства к данной категории лиц.

Отдельно рассмотрены основания для выдворения из страны лишённого гражданства лица после отбытия им основного наказания. Сделан вывод о том, что приговор суда, предусматривающий лишение гражданства, не может являться таким основанием.

Ввиду необходимости обеспечения безопасности общества, а также неурегулированности механизма выдворения предлагается рассмотреть вопрос об усилении контроля и реби-